

СВАЛКА

ЛУГ

ОПУШКА

БУКОВЫЙ ЛЕС

ДАМБА

ЕЖЕВИЧНИК

ПЕнь

ТРАКТИР

СОСНА

ПОЛЫЙ ПЕнь

СМРАДОВ

ПЫЛЬНЫЙ ПРОСЁЛОК

ЧУЖОЙ ЛЕС

ПОЛЕ

ПРИЦЕП

ЛЕСНОЕ КЛАДБИЩЕ

ЕЛОВЫЙ ЛЕС

УТЁС

УЩЕЛЬЕ

ПОЛЯЯ СКАЛА

МУРАВЕЙНИК

КУКИ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

ЯН СВЕРАК
ИЛЛЮСТРАЦИИ ЯКУБ ДВОРСКИ

КУКИ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

ЯН СВЕРАК
ИЛЛЮСТРАЦИИ ЯКУБ ДВОРСКИ

КУКИ ВЫХОДИТ В МИР

Если ты соорудил добротное убежище со стенами из матрасов и крышей из одеяла, ужасно хочется, чтобы кто-нибудь поскорее зашёл в комнату и принялся тебя искать. Зачем вообще нужны убежища, если не для того, чтобы прятаться в них – да притом так, чтобы тебя потом никто никогда не нашёл? Если же тебя окликнут, не вздумай отвечать – замри и смотри в оба, чтобы твоя нога или тапочка случайно не высунулись из укрытия. В одном из таких вот замечательных убежищ и сидел мальчик Ондра. Он был не один – рядом расположилась толстушка Бублина с гнущимся хоботом, которую мальчик получил на Рождество, и её неизменный спутник Куки. Ондра ещё не решил, был ли Куки сыном Бублины или её мужем, но в любом случае они никогда не разлучались.

Вся троица замерла, когда в комнату вошла мама. Ондра следил за ней через узенькую щёлочку под одеялом. В одной руке мама держала чёрный мусорный мешок, а другой тащила за собой пылесос.

– И как только можно жить в таком бардаке, ума не приложу! Когда ты уже научишься хотя бы немножко прибираться за собой?.. А ну-ка принимайся за уборку!

Мама проговорила всё это громко и уверенно, но наугад, в пустоту – ведь она не знала, где спрятался Ондра, и хотела, чтобы тот себя выдал. Но запомни: тот, кто скрывается, должен молчать. Молчать как рыба. Иначе, ясное дело, сам себя выдаст. Нужно лежать не шелохнувшись, даже когда в чёрный мешок летят кусочки цветной бумаги, из которых можно было бы склеить ещё кучу всего интересного, фломастеры, которые хотя уже и не очень хорошо рисуют, но всё равно ещё могут пригодиться, или даже палочка, похожая на настоящий пистолет! Ондра, конечно, мог бы попытаться объяснить маме, что всё это ему ещё очень нужно, но толку-то? Мама говорит быстро и уверенно, так что любого заговорит. Не стоит и пытаться. Только зря себя выдашь.

– А это ещё что? – Мама заглянула под стол и вытащила оттуда останки какой-то игрушки.

– Самолётик! – вскрикнул Ондра.

Не сдержался! Но что поделаться: ему очень не хотелось потерять этот замечательный самолёт с мигалкой! Кусочек одного крыла отвалился, и сам самолёт уже точно не взлетел бы, однако серебряные бомбочки сохранились, да и вообще его было попросту жалко.

Мама повертела самолётик в руках – он замигал, а из самой середины раздался короткий хрип. Внимательно осмотрев острую кромку на месте отломанного крыла, мама решила, что она опасна, и отправила самолётик в мусорный мешок:

– Тут всё переломано, ты с ним всё равно играть уже не станешь.

Случилось именно то, чего так боялся Ондра, – он совершенно попусту выдал и себя, и друзей. Одним движением мама вздёрнула одеяло, и убежища не стало.

– Ты, Ондра, уже школьник, а ведёшь себя совсем как малыш, – сказала она. – Мне иногда кажется даже, что ты у нас какой-то... странноватый. Скажи-ка, а твои одноклассники тоже до сих пор играют с мягкими игрушками?

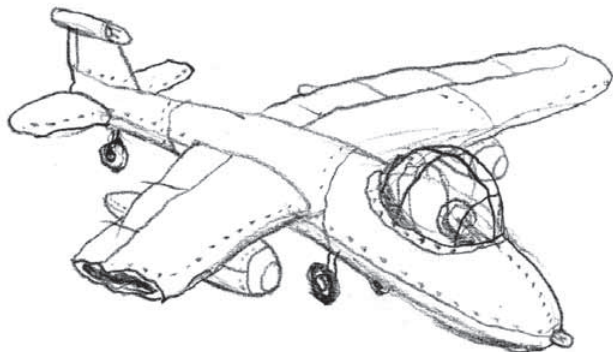
Этого Ондра не знал.

– Кто-то, может, и играет...

– Вот уж сомневаюсь, – сказала мама и подняла с кровати мягкую игрушку. На простыне осталась горстка опилок. – Господи, а из этого уже вообще опилки сыплются!

Бывший когда-то красным, а теперь выцветший медвежонок безмятежно улыбался, хотя из всех его швов и правда торчали опилки.

– Но это же Куки! – воскликнул Ондра так, будто игрушка заслуживала особого обращения уже потому, что у неё было имя.

– Я знаю, – мама рассматривала медвежонка, пытаюсь припомнить, как он к ним попал, – но, если я зашью его в одном месте, он сразу прорвётся в другом.

Ондра попытался незаметно смести с простыни опилки.

– Ты не обижайся, сынок, но Куки у нас засиделся, пора ему уже повидать мир. – Мама на прощание погладила медвежонка по носу и бросила его в мешок. Потом она повернулась к пылесосу, чтобы убрать опилки. Воспользовавшись этим, Ондра выхватил Куки из мешка.

Но от мамы ничего не скроешь.

– Сынок, неужели ты снова хочешь начать задыхаться? – Мама покачала головой и присела на кровать. – Ты же сам знаешь, что тебе вообще нельзя играть с мягкими игрушками. У тебя астма, а в таких игрушках скапливается пыль.

Да, Ондра всё это прекрасно знал. Свесив голову, он сжимал Куки в руках.

– Бублину мы оставим, её можно постирать, но этого заморыша – никак. И хватит прижиматься к нему носом, Ондра!

Мальчик медленно и неохотно протянул медвежонка маме, и она поцеловала сына в лоб.

СПАСЕНИЕ МЕДВЕЖОНКА КУКИ

Наступила ночь. Ондра бесшумно прокрался к входной двери квартиры, подпёр её тапочкой с левой ноги и в чём был – пижаме и второй тапочке – пошел по притихшей улице напрямик к мусорным бакам. Быстро обернувшись, он убедился, что из окна квартиры за ним никто не следит, и вдруг содрогнулся от ужаса: мальчику показалось, что трёхэтажный многоквартирный дом падает прямо на него! Видимо, это был оптический обман из-за месяца и низко летящих облаков...

Сморщив нос, Ондра открыл один из мусорных баков. Ему повезло! Он почти сразу же

увидел большой чёрный мешок. Открыв его, мальчик быстро нащупал знакомую шёрстку и освободил Куки.

Столь же бесшумно Ондра притворил дверь квартиры и незаметно проскользнул в кровать. Бублина очень обрадовалась возвращению Куки, и вскоре все трое сладко засопели на общей подушке. Впрочем, Куки и Бублина заснули первыми, а Ондра ещё некоторое время лежал и воображал, что их дом и вправду завалился набок... Что бы тогда случилось? Стена за его спиной стала бы полом, а застеклённые двери, ведущие в коридор, оказались бы под самым потолком. Тогда, если бы Ондра вдруг понадобилось выбраться из комнаты и куда-нибудь пойти, например к маме, сперва пришлось бы залезть на тумбочку, потом перебраться на журнальный столик, ухватиться за дверную раму, подтянуться.... С другой стороны, на мебель сила притяжения действует так же, как и на людей, то есть, скорее всего, никакого журнального столика на стене не было бы, а вся мебель свалилась бы в одну кучу... Ондра засыпал с радостной мыслью о том, что завтра утром мама скажет, что он уже совсем большой, раз не перебрался ночью в родительскую постель. А он и не станет говорить ей, что не пришёл лишь потому, что весь дом завалился набок.

НЕРАЗРЕШИМАЯ ЗАГАДКА

Каждую пятницу в семь часов утра по Лужицкой улице проезжают мусорщики. Сначала кажется, что это едет обыкновенный грузовик, но стоит ему остановиться, и сразу становится слышно, как в железной утробе переваривается мусор. Потом раздаётся скрежет стальных ручищ, которые захватывают жестяной бак, поднимают его и, перевернув вверх дном, хорошенько трясут, пока не высыплется весь мусор. И так четыре раза – по числу стоящих у дома баков. Тот, кто живёт здесь с самого рождения, привык к этим звукам, и шум мусорной машины его не будит. Человек просто переворачивается на другой бок,

бормоча во сне: «Ага, пятница, мусорщики тут». Ондра тоже хотел просто повернуться на другой бок, но вдруг резко сел в кровати. Быстро ощупал подушку, заглянул под одеяло, под кровать... Куки пропал!

За завтраком Ондра признался маме, что ночью ходил на улицу спасать Куки, но тот всё равно исчез. Мама же сказала, что Ондре всё это наверняка попросту приснилось. Вот только мальчик никогда не забывал своих снов, а картина того, как он доставал Куки из мусорного бака, стояла перед ним в мельчайших подробностях.

А потом Ондра понял: если это всё-таки был только сон, значит, Куки увезли мусорщики, и теперь всему конец! Медвежонок не вернётся. Если потеряется ребёнок, ему достаточно назвать свой адрес – скажет, например: «Лужицкая улица, дом номер три», и его сразу приведут домой. Но ведь игрушечный медвежонок не сможет сказать: «Лужицкая улица, дом номер три». Сам Ондра наизусть знает не только свой адрес, но даже номер маминого телефона. И это не потому, что он уже такой взрослый, а потому что однажды он и сам потерялся. Дело было в магазине. Внезапно Ондра оказался там совсем один, вокруг было полно чужих людей, а какой-то бродяга пристально на него смотрел. Весь грязный и страшный как чёрт. Потом прибежала мама, Ондра поплакал (совсем немножко), а вечером на всякий случай заучил вместе с мамой адрес и номер её телефона. А бродяги, как и Куки, не могут назвать свой адрес – но не потому, что его не знают, а потому, что у них его попросту нет.

Болезнь Ондры называется астма. Астма – это сильная аллергия на пыль и домашних клещей. Мама говорит, что в наше время ею болеет каждый второй, так что «по большому счёту ничего страшного». Единственное неудобство в том, что то и дело приходится проветривать и убирать комнату. Вот папа, например, астмой не болеет и может оставлять после себя какой хочет беспорядок. Для него беспорядок не представляет ни малейшей опасности. К тому же папа – взрослый, так что может и не слушаться маму. Однажды Ондра спросил у папы:

- Пап, а куда отвозят все вещи из мусорных баков?
- На свалку, – ответил он.

Ондра видел свалку по телевизору. Страшное место. Хотя, конечно, далеко не всё, что показывают по телевизору, правда. Скажем, когда в фильме кого-то убивают, то это понарошку. Но вот про свалку – это, к сожалению, чистая правда.

Свалка – это огромная гора мусора, опоясанная спирально поднимающейся дорогой. По ней вверх и вниз ездят мусорные машины, и по сравнению с горой они кажутся маленькими, почти игрушечными. Новый мусор сыпят прямо на старый, а потом экскаватор разгребаёт его и утрамбовывает. И то, что лежало сверху, оказывается навеки погребённым в темноте. Время от времени Ондра любил даже поугадать себя такими мыслями. Перед сном мама приносила ему ингалятор, через который необходимо было подышать. Сперва надо выдохнуть из лёгких весь воздух, потом вдохнуть лекарство, задержать дыхание и считать до десяти. Ондра влезал под одеяло и представлял себе, что он, к примеру, оказался в затонувшем корабле и должен выбраться, пока в лёгких не кончился кислород. Ну или, скажем, ему необходимо срочно покинуть заражённую ядовитым газом зону. Сегодня, вдохнув лекарство и спрятавшись под одеяло, Ондра попытался представить себе, что его заживо закопали на свалке. Всё новые слои мусора вдавливают тело глубже и глубже... Это было невыносимо! Ондра резко отбросил одеяло и вдохнул свежий воздух.

И именно на такую свалку везут сейчас маленького и беспомощного медвежонка Куки.

ТАМ, ГДЕ ВСЕМУ ПРИХОДИТ КОНЕЦ

Развязная компашка целлофановых кульков болталась на длинном высоком заборе, за которым возвышалась огромная гора мусора. Грузовик только что высыпал новую кучу, и на неё тут же набросилась стая ворон.

Вдруг в куче мусора что-то замигало, раздался пронзительный рёв. А потом это что-то ещё и зашевелилось! Воронны испуганно разлетелись. То был самолётчик Ондры, который из последних сил, отчаянно издавая звук настоящего истребителя, пытался выбраться из-под мусора. Рядом с самолётчиком валялись фломастеры и... Куки.

Одна из ворон, осмелев, перевернула медвежонка на спину и потащила его прочь от ревущего самолётчика, который, так и не сумев взлететь, уже шёл на посадку. Птица с острым чёрным клювом толщиной с папин большой палец ходила вокруг Куки и приглядывалась, куда бы его клюнуть. Бедняга Куки смиренно лежал и не шевелился – а что ещё остаётся игрушечному медвежонку в такой ситуации? О, ужас! Ворона вонзила свой клюв Куки в грудь и вырвала из неё комок слипшихся опилок.

Ондра не находил себе места. Наконец он понял: единственное, что они с Бублиной могут сделать для Куки, – это помолиться. Ондра сел на пол, сложил вместе лапки Бублины и сжал их в своих ладошках. И в то время, как ворона равнодушно вырывала из Куки опилки, далеко от свалки, в детской, мальчик Ондра отчаянно повторял: «Боженька, прошу, оживи медвежонка Куки!»

Внезапно ворона перестала клевать медвежонка и улетела прочь. Куки лежал на прежнем месте, и могло показаться, будто его грудь поднимается и опускается, словно медвежонок задышал. Но нет. На самом деле это вся куча мусора разом заходила ходуном под тяжестью огромной машины. Железное чудовище широченным ковшом разгребало мусор, глубоко вдавливая в поверхность всё, что попадалось под

его тяжёлые колёса со стальными шипами. Под ними исчезли фломастеры и пластиковая бутылка с нарисованной мордашкой. Самолётик сделал последнюю отчаянную попытку взлететь, но колесо и его вдавило в землю. Машина проехала возле Куки, оставляя в глубоких колеях за собой останки самолётика. Затем гигант остановился и дал задний ход.

– Вставай, Куки! Вставай, Куки! Вставай, Куки! – горячо шептал Ондра.

Медвежонок не шевелился. Машина повернула прямо на него. Длинный клочок чёрного целлофана, прицепившийся к ковшу, развевался, словно плащ злого чародея.

Ондра резко сел, глубоко вдохнул и ещё сильнее сжал ладони в молитве.

Наполненные мусором целлофановые мешки раздувались и с шумом лопались под беспощадными колёсами. Позади машины оставалась длинная колея, усеянная дырами от стальных шипов. Осталось всего несколько метров, и Куки исчезнет под ними навсегда.

– Боженька, милый! Я молюсь, мы молимся...

Ондра понял, что не знает, как надо правильно молиться, и у него защемило сердце. Он один во всём мире знает, что сейчас происходит с Куки; ему единственному по-настоящему дорог этот медвежонок, а значит, он попросту обязан помочь другу. Ондра сосредоточился так, как никогда в жизни. Если существует на свете справедливость, если есть какие-то космические силы, которые могут быть призваны на помощь, то сейчас для этого самое время. Придите! Теперь или никогда!

– Эники-бэники-клики-бух!

И – о, чудо! Волшебные слова вдохнули в Куки жизнь! Медвежонок резко сел и стал оглядываться по сторонам. И вовремя! Громадная машина медленно подползала к нему. Куки осторожно встал и сделал неловкий шаг, потом ещё один. Попробовал подпрыгнуть... Упал! Смертоносное колесо угрожающе нависло прямо над медвежонком! Куки на четвереньках выполз из-под него и неуклюже засеменял прочь, преследуемый машиной по пятам. И хотя наш герой ожил всего

минуту назад, он быстро догадался, что не спасётся, семеня перед машиной, – надо срочно изменить направление! Куки сделал несколько прыжков вперёд, а потом один длинный в сторону. Вконец обессиленный, медвежонок упал и неподвижно замер. Проезжая мимо, тяжеленное стальное колесо почти коснулось его лапок.

Передохнув, Куки отряхнулся и запрыгал по мёртвой мусорной местности. Он понемногу привыкал к незнакомым ощущениям, становясь с каждым движением всё более ловким, и вскоре его прыжки стали сильными и уверенными. Подул лёгкий ветерок. С земли неподалёку от Куки приподнялся целлофановый кулёк.

– Эй! Ты куда это собрался? – зашелестел он.

– Как куда? Домой! – отозвался Куки.

– Запрещено! – возразил кулёк не допуская никаких возражений тоном.

Куки сделал несмелый шаг, но тут кулёк набросился на него, обернулся вокруг медвежонка, и они вместе упали на землю. Какое-то время Куки и кулёк бешено катались по мусору.

– Эй-эй-эй! Прекратите! – кричал Куки, пытаясь отбиться от противника. Наконец ему удалось выпутаться из целлофана. – Имейте в виду, я полон опасной пыли, и стоит мне хорошенько отряхнуться, вы мигом отправитесь в больницу!

Кулёк лишь рассмеялся над такой угрозой, потому как жителям свалки пыль нипочём. Куки быстро запрыгал дальше и уже не видел, как кулёк развернулся и поднял безобразную голову, сделанную из горлышка спёкшейся пластиковой бутылки. Он услышал только истошные вопли своего преследователя:

– Никто никуда не уйдёт отсюда, и ты не исключение! Эй, он смывается, держи его!

Подчиняясь команде сородича, от мусорных куч с порывом ветра взмыли другие кульки и бросились в погоню за Куки. Медвежонок был уже у подножия мусорной горы и приближался к высокому забору.

– Никто не вправе покидать свалку! Это закон! – вопил кулёк.

Огромный чёрный мешок растянулся на заборе прямо перед Куки, загородив ему путь.

– Стоять! За забор нельзя!

Куки не сдавался. Если не получится здесь, то получится в другом месте! Он отпрыгнул в сторону, туда, куда мешок дотянуться уже не мог, просунул голову через заборную сетку, оттолкнулся передними лапками, взбрыкнул задними и оказался по ту сторону преграды.

Всё новые и новые разъярённые мешки распластывались по забору, истошно вереща:

– Убежит! Держи его!

Но Куки уже скрылся в высокой траве.

ОДИН-ОДИНЁШЕНЕК В ЛЕСУ

Уже смеркалось, когда Куки добрался до леса. Шерсть медвежонка была покрыта колючками и травой. Бедняга шагал до тех пор, пока совсем не обессилел, и в конце концов свалился в хвойные ветки. Тебе когда-нибудь случалось заблудиться в лесу? Если да, ты наверняка запомнил таинственное лесное безмолвие. Вокруг – загадочная тишина, пронизанная таинственными звуками. То что-то прошелестит, то упадёт где-то шишка, скрипнет дерево, закричит птица... А потом начинает смеркаться, звуков становится всё больше – кажется, что лес потихоньку оживает, и ты начинаешь явственно ощущать, что из тёмных нор под корнями деревьев за тобой кто-то следит. А уж если ты, как Куки, крикнешь: «Эй, кто там?» – но вместо ответа услышишь за спиной только треск ветки, то тут уж совсем сложно не дать воли страху.

– Если вздумали меня пугать, ничего не выйдет – я спать хочу! – крикнул Куки в надвигающуюся темноту.

В ответ раздался лишь тоненький скрип, напоминающий смешок.

– И даже если выпрыгнете сейчас на меня из темноты, я не испугаюсь, потому что крепко-накрепко зажмурился... Вот так вам...

Устало выговорив эти слова, Куки зевнул и тут же заснул мёртвым сном.

КАПИТАН ФОН ХЕРГОТ

Проснувшись, Куки сразу понял, что неведомым образом попал в неизвестно чей дом. И этот неизвестный с морщинистой и помятой башкой, напоминающей старую картофелину, стоял над Куки, с любопытством разглядывая медвежонка. Незнакомец был чем-то похож на того бездомного, который однажды пристально разглядывал мальчика Ондру перед магазином, только, в отличие от него, был совсем маленьким, как небольшая мягкая игрушка. Это был не кто иной, как сам капитан фон Хергот¹.

– Надо сказать, что для прогулок по лесу шерсть у тебя никудышная. За неё же всё цепляется. Синтетика, да? – произнёс незнакомец, выбирая из шерсти медвежонка остатки чертополоха. Пальцев у Хергота не было. У него не было даже мягких лапок, как у Куки. Его руки просто сужались, словно хвостики или, скорее, щупальца. Однако щупальца эти, судя по всему, были довольно ловкими. Жилище Хергота выглядело весьма уютно. В его деревянной квартирке нашлось место даже креслу-качалке с камином и большому окну, выходящему в лес. – Что ты здесь забыл? – спросил Хергот.

– Здравствуйте. Меня зовут Куки. Я жил на полочке...

– На полочке? И что же ты там делал?

¹Это имя можно перевести. Правда, фраза «Herr Gott» даже не чешская. Это немецкое восклицание, означающее «Господи Боже!», вот только обычно немцы произносят его тогда, когда русские сказали бы «чёрт подери!». А значит, нашего героя, который, как ты увидишь, и сам любит чертыхнуться, можно было бы назвать и «капитан фон Чёрт-Подери», и «капитан фон Божежмой». Ну а мы оставим его фон Херготом.

– Ничего, – ответил Куки.

Такой ответ явно заинтересовал Хергота, потому что он вплотную приблизил свою помятую голову к мордашке Куки, словно желая лучше разглядеть того, кто ничего не делает.

– То есть ты был чем-то вроде украшения?

Куки задумался. И правда, а что он, собственно, делал дома? Медвежонок сел и сморщил лоб, чтобы было удобнее объяснять.

– Ну, по вечерам Ондра брал меня в постель – меня и Бублину. А потом мы представляли, будто мы звери в зимнем лесу и прячемся в тёплой норке.

– Ага, вот оно что, – немного разочарованно сказал Хергот и вразвалку отправился к камину, чтобы выбросить в огонь чертополох, которого собрал с шерсти Куки уже полное щупальце. – Каждый может заниматься тем, чем захочет, и мне до этого нет никакого дела. Но только здесь тебе не место. Здесь представлять ничего не надо, тут всё настоящее – звери, лес, норы и зима.

Начавшее было уже угасать пламя в камине обрадовалось охапке сухого чертополоха с клочками шерсти и ярким светом озарило аккуратную кучку сложенных под окном орешков. Хергот взял один орех и бросил его через окно на веранду. Он подождал, пока к орешку не подскочила коричневая белка, принявшаяся ловко крутить его в лапках, а потом задумчиво повторил:

– Настоящие звери, которые живут в настоящих норах, и зимой им по-настоящему холодно. Даже очень.

– Я хочу домой, – ответил на это Куки.

– И это разумное желание, потому что с синтетической шерстью эдакого цвета тебе здесь не место. Иди-ка домой.

– Я бы с удовольствием, но только не знаю, где он.

«Вот ведь чёрт подери, – задумался Хергот. – Избавиться от этого карапуза будет не так-то просто».

С минуту оба молчали. Тишину нарушал только звук коготков белки, царапающей на веранде орешек.

– Я их дрессирую. Хочешь посмотреть?

– Ещё бы!

Хергот подошёл к окну и крикнул:

– Эй, белки, так-так-так, дайте-ка, пожалуйста, одну шишку в сектор Ка, Вэ, Я. Повторяю по буквам: «кило», «Виктор», «янки», в самую серединку!

Хергот быстро спрятался за оконную раму, и в тот же момент через окно влетела и упала на пол сосновая шишка.

– Я ими топлю, – объяснил Хергот и бросил шишку в камин.

Внезапно в лесу раздался протяжный трубный звук. Хергот насторожился.

– Побудь здесь, я скоро. – В дверях он остановился. – А впрочем, знаешь что, пойдём-ка лучше со мной, чтобы здесь ничего случайно... э-э-э... не разбилось.

ЗАГАДОЧНЫЙ МУЗЫКАНТ

Дом Хергота был скрыт в кроне старой-престарой развесистой сосны. Такие сосны иногда называют «канделябры». А знаешь почему? Потому что высоко над землёй из могучего основного ствола дерева растут другие стволы, устремляющиеся ввысь, словно толстенные свечи. Некоторые их ветки поступают удивительно разумно, соединяясь с соседками и, как лесенка-стремянка, скрепляют крону дерева, чтобы она не разрушилась. Некоторые люди считают такие деревья священными, и нет никаких сомнений, что Хергот не зря выбрал себе под жилье именно такую сосну.

На расположенной над верандой ветке стоял простейший лифт, сделанный из лукошка для грибов. Хергот кивком велел Куки влезть в него, взялся за ручку лебёдки, и они стали спускаться из-под кроны дерева на землю.

– Только не вздумай тут никому рассказывать, чем вы там у себя дома занимаетесь, – сказал Хергот.

– В смысле — о том, во что мы играем?

– И это тоже. Но самое главное – никому не говори, кто ты такой есть.

– А кто я? – Куки даже не понял, что имел в виду Хергот.

– Ну это... что ты это самое... – Хергот осмотрелся, будто собирался произнести страшное ругательство, – ну, игрушка для обнимашек и прочих глупостей.

– Не говорить, что я для обнимашек? А почему?

Лукошко ударилось о землю. Хергот сперва перебросил через его край ногу, а потом вывалил из лифта и всё своё бочкообразное тело.

– Мы здесь не приспособлены для телячьих нежностей. Понятно?

В небольшую долинку со всех сторон сползались лесные обитатели. Это были очень странные существа – некоторые передвигались на ножках, другие – без них, а были и такие, кто ехал верхом на собственном транспорте. Они радостно здоровались друг с другом, а Хергота приветствовали с заметной почтительностью, порой обращаясь к нему не по имени даже, а просто – «Капитан». Как, например, крошечный Дубовичок (всего-то один жёлудь – тельце, второй – голова, а любопытней сотни обезьян).

– Привет, Капитан! Кого это ты ведёшь? – закричал он уже издали тоненьким голоском.

– Да потерялся тут один. Вот, чтоб не крутился зря, и идёт со мной.

– А, ну ладно! – Дубовичок подпрыгнул и исчез в зарослях черника.

– А кто это был? – спросил Куки.

– Сложно сказать, мне в тени плохо видно. Божок какой-то, – сказал Хергот.

– Божок?

– Ну да. Они тут все божки чего-нибудь – ручья там, бульжников всяких, да мало ли ещё чего... – сказал Капитан как о чём-то само собой разумеющемся. Он осторожно семенил, как делают спешащие куда-то пожилые люди.

За ручьём на небольшом возвышении царило оживление. Из тёмной норы под корнями дерева выпрыгивали всё новые и новые существа.

Высоко над ними, подвешенный на верёвке, крутился и верещал Ползун. Выглядел он как клубок колючей проволоки с торчащей из него головкой на гусиной шейке.

– Капитан, Капитан, снимите меня уже отсюда! – кричал Ползун, отчаянно вытягивая шею в ту сторону, куда шагали все существа, – я первым увидел, как оно светится! Вон там, там!

Хергот обернулся на его крик и спросил:

- А будешь ещё душить?
- Не буду! Нет! Клянусь и обещаю!
- Ладно, снимите его, чтоб ничего не пропустил.

В корнях под норой что-то зашевелилось. Корянг и Коряжка, державшие конец верёвки, разошлись и освободили петлю. Ползун грохнулся на землю и торопливо пополз вдогонку за остальными.

Когда Хергот и Куки подошли к тропинке, у них за спиной раздался громкий звук клаксона. Роскошная гоночная машина, сооружённая из двух трубок и блестящей медной проволоки, прокладывала себе дорогу в толпе пешеходов. Хергот с Куки посторонились. Машина остановилась прямо перед ними, и из кабины выглянула неприятная острозубая рожа, расплывшаяся в похожей на оскал улыбки. Хозяин рожи, длинный фронт с зализанными от быстрой езды волосами, проскрежетал:

– Здорово, Капитан! Подвезти?

Хергот какое-то время молча шагал дальше, а потом неохотно обронил:

- Сам дойду.
- Спорткар рванул вперёд, оставив за собой тучу пыли.
- А это был бог чего? – спросил Куки.
- Этот-то? Ничего. Это был Анчутка, – сказал Хергот.

Неожиданно оба услышали волшебную музыку. Женский голос и нежная мелодия переплетались в небесной гармонии, будто звуки настоящей лесной оперы. Впереди, среди тёмных веток, замерцал зеленоватый свет, в котором танцевали золотые мушки.

Медвежонок и Капитан обошли остановившийся спортивный автомобиль. Все лесные существа расступились, пропуская Хергота. Кто-то совсем тоненький как палочка прямо на ходу перекинул ему через плечо широкую перевязь, и теперь Хергот выглядел важным, как генерал.

– Это лишнее, пожалуй... – возразил было Хергот, но из толпы тут же высунулся какой-то заросший чёрной шерстью чудик и настойчиво зашептал:

– Пусть все видят, что ты наш Хранитель, – и с этими словами подал Капитану ещё и жезл с наконечником в виде шара.

Вот так, при всём параде, Хергот выступил к пню из толпы. На опушке перед ними возвышался самый обыкновенный трухлявый пень – именно из него лилась очаровательная музыка и струился волшебный свет. Куки стоял чуть поодаль. Никто не обращал внимания на медвежонка – все глаза и уши были прикованы к невиданному чуду. Добрался сюда наконец и Ползун, тут же вытянувший над толпой свою любопытную головку на тонкой шейке.

Однако пень неожиданно замолк, а свет погас. Толпа в напряжении ожидала, что же будет дальше. Первым заговорил Хергот:

– Друзья, этот пень стоит здесь уже давно, и никаких звуков он никогда не издавал. А раз он ни с того ни с сего начал петь, напрашивается единственный вывод... в этом пне кто-то поселился!

По толпе прошёл возбуждённый гул. До этого никому и в голову не приходило, что внутри пня кто-то может быть.

– Здешний ты или чужак – вылезай! – закричал Хергот, обернувшись к пню. – Покажись нам!

Никто не ответил.

Бледную Жужель прямо-таки трясло от возбуждения и любопытства, её длинный нос раскачивался из стороны в сторону как маятник.

– Не вылезает, – громко прошептала она. – Надо бы сходить и самим глянуть.

Это была прекрасная идея. Лесные существа все как один закивали в знак одобрения, вот только смельчаков идти к пню не нашлось. Ничего не поделаешь, пришлось и тут Херготу быть первым. Видно, это тоже входило в число обязанностей Хранителя. Получалось, что быть Хранителем – несомненная честь, все тебя слушаются, все уважают, вот только при появлении в лесу малейшей опасности тебе же первому придётся рисковать своей шкурой. Хергот медленно и осторожно стал приближаться к пню, то и дело обращаясь к незнакомцу, чтобы придать себе храбрости:

– Мы не причиним тебе вреда. Мы – добрые существа, жители этого леса.

Кто-то вцепился Куки в плечо, подкравшись из-за спины. Это был Ползун:

– Эй ты, розовая башка! Ты кто такой? Ядовитый или просто выпендриваешься?

– Я не розовый, а бледно-красный, – с этими словами Куки оттолкнул Ползуна.

– А ну-ка подойди поближе, трусишка, дай кусну! – ласково зашипел Ползун. Куки на всякий случай отошёл подальше от этого странного типа и пробрался сквозь толпу вперёд.

Хергот в это время уже стоял у пня и пытался в него заглянуть.

Хранитель изо всех сил напрягал свои подслеповатые глаза, но внутри пня было совершенно темно. Наконец он что-то разглядел – прямоугольная коробочка, усеянная светящимися квадратами.

– Это просто какая-то коробка. Музыкальный робот! – закричал Хергот.

Толпа разом бросилась вперёд, будто позади неё взорвалась бомба. Лесные существа столпились вокруг пня, и каждый принялся вопить, перебивая остальных, что именно он первым увидел робота, а значит, и достаться диковинка должна именно ему! Во всеобщей суматохе Ползун кинулся на маленького Роганека и принялся его душить.

Несколько пар маленьких и тонких, словно палки, лапок вытащили

находку из пня. На самом деле то был самый обыкновенный мобильный телефон, но лесные существа не могли этого знать, и не было силы, способной омрачить их радость от такой чудесной находки. Лесные божки пищали от восторга и отплясывали танцы счастливых дней.

Хергот едва заметно улыбался, глядя на происходящее. Он стоял чуть поодаль, не переставая всё время прислушиваться к окружающим звукам. Хранитель умел радоваться не хуже остальных, вот только он прекрасно знал, что, когда все веселятся и никто ни за чем не следит, его святая обязанность – оставаться на страже. И не зря! Внезапно во всеобщем радостном гомоне он уловил какие-то посторонние звуки. То были тревожные крики сойки, пронёсшейся над кронами деревьев. Хергот поднял жезл, призывая толпу к тишине, но это было бесполезно. Тогда он замер ещё на секунду, желая убедиться, что не ошибся, а потом зычно скомандовал:

– Хво-о-о-я! Быстро в хво-о-о-ю!

Поднялся страшный переполох. Лесные существа уронили мобильник и мигом бросились кто куда. Дело в том, что «хвоя» – это тайный пароль. Вместо того чтобы кричать: «К нам приближается что-то подозрительное, оно может оказаться опасным, было бы разумнее спрятаться...» – достаточно крикнуть короткое «Хвоя!», и все сразу понимают, что надо делать. Кто-то прячется под кору, кто-то под листик, а те грибы, что поумнее, залезают обратно под землю. Хергот схватил ничего не понимающего Куки и потащил его прочь. Анчутка въехал в нору возле ручья прямо на автомобиле. Уже через мгновение лес выглядел таким, каким его знает любой грибник. Деревья, шишки, черничник... ничего особенного.

МЕДВЕЖОНОК С НОВА В ОПАСНОСТИ

Почти все обитатели леса сгрудились в тёмном трактире под корнями могучей сосны. Это было укромное местечко, отлично подходящее для того, чтобы прятаться в нём, шептаться и попивать вкуснейшую бодря-

щую смолу, которую тракторщик, старый Трутовик, подогревал на слабом огоньке и разливал по цветным пробкам от пластиковых бутылок (потому-то место это и называлось трактором). К тому же сквозь просветы между корнями было прекрасно видно всё, что происходит снаружи. Впрочем, сейчас вход заполнил собой Ползун, пробирающийся внутрь с мобильным телефоном, который он надёжно оплёл своим гибким телом.

– Я не мог оставить его там! – выдохнул он, сумев наконец протиснуться через узкий вход. Друзья шумным гомоном оценили его поступок, но тут же замерли. Из леса донеслось низкое гудение.

Последним до трактора добрался Анчутка. Свисающие с потолка корешки подрагивали от сотрясения лесного полога, по которому к трактору приближалось неизвестное огромное существо.

– Уф, едва успели! – Анчутка шептал громко, чтобы его слышали все. – Сам-то я уже давно знал, что вот-вот что-то произойдёт, но ведь нужно было дожидаться, пока это услышит и даст команду Хранитель, верно?

Хергот не стал оправдываться, но за него заступился тракторщик Трутовик:

– За вашим галдежом вообще ничего слышно не было.

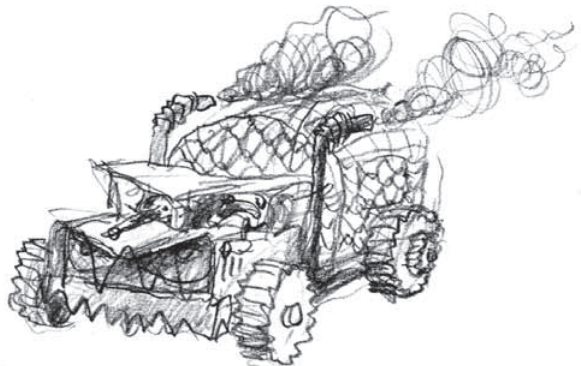
Гудение приближалось. Звук всё сильнее напоминал гул машины. Куки огляделся. В углу на установленной над камином склянке бурлила смола, поднимавшаяся по полым стебелькам к бару, где Трутовик разливал её по пластиковым крышечкам. На барной стойке похрапывали два мохнатика. Остальные же посетители замерли, боясь лишний раз пошевелиться. Сквозь просветы между корней была видна лесная долинка.

– А я слышал, слышал! – никак не мог угомониться Анчутка.

– Что же ты тогда ничего не сказал? – спросил Трутовик.

Анчутка будто только и ждал этого вопроса и теперь заскрежетал на весь трактор:

– А с чего это мне говорить?

Я не Хранитель. Вот когда Капитан передаст мне бразды правления, тогда я буду предупреждать вас вовремя.

Вдруг земля затряслась так сильно, что с потолка убежища сорвался комок глины и шлёпнулся Анчутке прямо на макушку.

В долинку, приминая хвою зубчатыми колёсами, вкатился безобразный грузовик.

– Это ещё, чёрт подери, кто? – прошептал Хергот.

В то же мгновение телефон опять ожил и заиграл, переливаясь всеми цветами.

– Он нас выдаст! – запищал Роганек.

Несколько созданий метнулись к телефону, пытаясь собственным телом заглушить звук. И только Куки знал, что это телефон и его можно попросту выключить. В поднявшейся суматохе медвежонок закричал:

– Красная кнопка! Нажмите на красную кнопку!

Наконец чей-то коготок нащупал кнопку. Телефон замолк.

Но было уже поздно. Грузовик остановился прямо у трактира.

– Ну что, я пошёл, – вздохнул Хергот и с перевязью через плечо и жезлом в руке вразвалку вышел из-под корней.

Из кабины грузовика выскочил целлофановый кулёк, вооружённый вилкой. Это был тот самый кулёк, что гонялся за Куки по свалке. А поскольку имени у него нет, мы так и будем его звать – Вилка.

– Я капитан Хергот, Хранитель леса и его жителей, – поклонился Хергот.

– Здорово, Капитан! – ответил Вилка. – Мы разыскиваем одного такого... красного. Прыгает ещё, и глаза большущие. Не видал?

Все головы в притихшем трактире разом повернулись в сторону Куки. Будь у медвежонок сердце, можно было бы точно сказать, что оно сжалось от страха. Потом Куки услышал голос Хергота:

– Тут он. Потерялся и ищет дорогу домой. Вы его друзья?

Из грузовика вылез и второй ку-

лёк. Этого назовём Зажига, потому что вместо носа из его сморщенной физиономии торчала старая зажигалка.

– Вот мы его туда и отвезём, – сказал Вилка.

– Пан Куки, за тобой друзья приехали! – крикнул Хергот, повернувшись к трактору.

Куки таращил глаза и трясся от ужаса, но не сопротивлялся, когда соседи стали подталкивать его к выходу.

– Чёрного хода тут нет? Не смылся бы, – проговорил Зажига.

– Пойдите, так вы ему не друзья? – насторожился Хергот, когда кульки встали по обе стороны входа в трактор.

– Он нарушил закон, и мы должны его задержать, – сказал Вилка. Его острые глазки зорко стреляли по сторонам, а прозрачная голова раздувалась от нетерпения.

– А что он такого сделал? – поинтересовался Хергот.

– Сбежал со свалки. А на то есть закон: раз попал на свалку – уходить не смей, – сказал Вилка.

Куки появился в дверях трактора. Ползун придерживал его за горло.

– Вот он! – раздалось торжествующее шипение. Однако когда Ползун попытался подвести Куки к машине, медвежонок ухватился за корень дерева и стал изо всех сил сопротивляться:

– Мне не место на свалке! Я просто потерялся!

Вилка наклонился к Херготу:

– Все они так говорят.

– Я знаю номер телефона своего хозяина, – продолжал сопротивляться Куки. – Позвоните Ондре, он сам вам скажет! Пустите меня к тому роботу, я докажу!..

– Чёрт подери, отпустите его! И дайте уже сигнал отбоя тревоги, – приказал Капитан.

Толпа отправилась назад в трактор. Мохнатое Чудо-Юдо приложило ко рту полую ветку и подало протяжный сигнал отбоя. Лес тут же снова ожил. Из дыры вылез ушастый Демон, над хвоей вновь показались шляпки грибов, а Мохомир перестал притворяться куском мха, поднялся, распрямил свои длиннющие ноги и не спеша зашагал прочь.